

К.И. Дружинин

**Воспоминания о Русско-японской войне
1904-1905 гг.**

участника-добровольца

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.И. Дружинин**
Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 гг.: участника-добровольца / К.И. Дружинин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 512 с.

ISBN 978-5-518-06457-7

ISBN 978-5-518-06457-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ I.

Отъ начала войны до завязки генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

„Мы проиграли эту войну, потому что избѣгали людей съ сильнымъ характеромъ и твердою волей, самостоятельныхъ и рѣшительныхъ, а цѣнили только людей покладистыхъ, умѣющихъ со всѣми ладить и во всѣхъ заискивать, потому что мы боялись инцидентовъ“.

С.-Петербургъ. Ноябрь 1905 г. Р . . . з.

„Не то же ли происходитъ въ нашей арміи и теперь, черезъ три года послѣ несчастной проигранной нами кампаніи?“

С.-Петербургъ. Июнь 1908 г. Д . . .

ГЛАВА I.

Впечатлѣнія открытія военныхъ дѣйствій Японіей.—Опредѣленіе съ гражданской службы въ дѣйствующую армію. — Сборы на войну.—Путешествіе на театръ военныхъ дѣйствій

Война застала меня на службѣ въ Управленіи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Въ продолженіе всей осени 1903 года, въ печати и обществѣ, шли разговоры о вѣроятной войнѣ съ Японіей, но я относился къ этому вопросу довольно равнодушно по слѣдующимъ причинамъ: 1. я всегда вѣрилъ въ государственнй умъ С. Ю. Витге и былъ убѣжденъ, что онъ постарается не допустить возникновенія войны, хорошо зная насколько Россія была къ ней неподготовлена, въ смыслѣ ничтожества нашихъ боевыхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, а главнымъ образомъ въ смыслѣ неудовлетворительности качественнаго состоянія нашей арміи, представлявшей изъ себя нѣчто похуже французскихъ войскъ въ кампанію 1870 года уже къ концу министерства Ванновскаго—Обручева, и быстро шедшей внизъ по наклонной плоскости со времени ея управленія неспособными Куропаткинымъ и Сахаровымъ; 2. вынужденно оставивъ ряды

арміи, которой посвятилъ всѣ свои силы двадцати трехъ лѣтъ молодости, я конечно долженъ былъ съ невѣроятною трудностью прокладывать себѣ дорогу на совершенно новомъ для себя поприщѣ — желѣзнодорожной административной дѣятельности—и поэтому не имѣлъ времени вдумываться въ политику и разбираться въ ея туманныхъ горизонтахъ; мысль о возвращеніи въ армію казалась мнѣ невозможной: перемѣна режима, т. е. установленіе въ нашей арміи порядковъ службы, основанныхъ на требовательности и дисциплинѣ, была невѣроятна, а, при существованіи стараго режима, мнѣ не могло быть въ арміи никакого амплуа и никакой должности; кромѣ того, я нашелъ къ своему удивленію достаточную дисциплину и требовательность на желѣзной дорогѣ, а слѣдовательно работа на ней меня удовлетворяла.

Однако, съ учрежденіемъ Намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ, явившимся результатомъ вліянія немногочисленной, но сильной партіи людей, искавшихъ матеріальнаго обогащенія въ казенныхъ антрепризахъ на берегахъ Тихаго океана, а также высшей бюрократической карьеры, положеніе дѣлъ стало если не серьезнѣе, то во всякомъ случаѣ много сложнѣе. Руководство политикой могло затрудниться фантазіями разныхъ фезѣровъ, а представительство и власть Намѣстника подрывали авторитетъ настоящаго государственнаго дѣятеля. Тяжелое впечатлѣніе произвело на меня неожиданное удаленіе отъ дѣлъ С. Ю. Витте. Хотя „Новое Время“ и обѣщало намъ новую эру его дѣятельности у кормила правленія Государствомъ, въ качествѣ властнаго руководителя Совѣта Министровъ, всѣ отлично понимали, что Витте утратилъ всякое вліяніе на государственныя дѣла.

Можно ли было желать или сочувствовать такому внезапному удаленію отъ дѣлъ С. Ю. Витте? Я отвѣчу на этотъ вопросъ не оцѣнкою его государственной дѣятельности, на что считаю себя некомпетентнымъ, а просто обращаясь къ здравому смыслу. Слишкомъ десять лѣтъ С. Ю. Витте въ значительной степени руководилъ жизнью Россіи, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею; ввелъ новую денежную систему, конвертировалъ государственные долги, расширилъ

донельзя монополию казны, сдѣлавъ ее предпринимателемъ въ области промышленности и торговли, давалъ и широко давалъ средства на усиленіе арміи и флота, развивалъ желѣзнодорожную сѣть и другіе пути сообщенія, властвовали не только въ своемъ министерствѣ, но руководилъ и многими другими; во внѣшней политикѣ онъ воспользовался примѣрами Англій и Германіи, допустивъ осуществленіе широкаго плана колонизаціи такой огромной и богатѣйшей страны, какъ Маньчжурія, идя къ его выполненію путемъ мирнымъ — прежде всего проведеніемъ русской желѣзной дороги, а затѣмъ торговлей и эксплуатированіемъ богатствъ страны. При этомъ конечно нельзя было не имѣть въ виду и колоссальное усиленіе могущества нашего отечества: дѣйствительно, въ Квантунѣ Россія получала свободный выходъ въ океанъ—единственный для нея въ Азіи и Европѣ взятыхъ вмѣстѣ; онъ же обезпечивалъ господство надъ Китаемъ, подчиняя вліянію Россіи административный центръ Пекинъ; Восточнокитайская жел. дорога усиливала оборонительное и наступательное значеніе Владивостока, связывая его кратчайшимъ путемъ съ Европейской Россіей; она обезпечивала такое же значеніе Квантуну; а Владивостокъ и Квантунъ, оба вмѣстѣ, давали намъ преимущество стратегическаго положенія надъ японцами, такъ какъ Корейскій проливъ попадалъ подъ двойной ударъ нашихъ морскихъ силъ, пріобрѣтавшихъ двѣ обезпеченныхъ базы. Министръ финансовъ широко отпускалъ средства на быстрое сооруженіе Маньчжурской желѣзной дороги, на укрѣпленіе Квантуна и судостроеніе. Китайская смута, нѣсколько нарушившая наши расчеты, всетаки не оказала вліянія на прогрессъ нашихъ дѣлъ Дальняго Востока, потому что государство легко покрыло всѣ военные расходы, равно какъ и убытки по постройкѣ. Въ сущности китайскій походъ долженъ былъ бы оказаться для насъ полезнымъ благодаря тому, что войска и военнопольники ознакомились съ Маньчжуріей, какъ театромъ военныхъ дѣйствій, имѣли случай познать враждебные намъ элементы Китая и наконецъ, дѣйствуя рука объ руку съ частями японской арміи, могли воочию убѣдиться насколько послѣдняя стояла уже образ-

цово во всѣхъ отношеніяхъ и даже значительно выше нашихъ войскъ, въ смыслѣ организаци, снаряженія, продовольствія, а главное командованія высшими начальниками и вообще офицерами. Нельзя не поставить въ вину Куропаткину, что ни онъ, ни его генеральный штабъ, ни всѣ наши военноподчиненные вообще и наши офицеры въ частности не только не извлекли изъ китайскаго похода никакой пользы, но даже развратились его легкимъ успѣхомъ и рѣшительно ничего не подмѣтили у японцевъ; вѣдь самъ военный министръ отправился затѣмъ въ Японію и, вернувшись изъ интересной поѣздки (кстати замѣтить стоившей вѣроятно не одинъ десятокъ тысячъ казенныхъ денегъ), продолжалъ, вмѣстѣ съ своимъ министерствомъ и главнымъ штабомъ, спать сномъ праведника.

Финансовая политика Витте обезпечила Россіи на континентѣ Европы широкій дешевый кредитъ и искоренила игру на наши рубли. Въ то же время мы закрѣпили надежный естественный нашъ союзъ съ Франціей и не упускали изъ вида вопросовъ Ближняго Востока, хотя надежнѣйшимъ обезпеченіемъ вліянія Россіи на послѣдніе и было именно наше прочное утвержденіе на Дальнемъ Востокѣ; теперь этому не трудно повѣрить, потому что тотчасъ съ началомъ войны, т. е. съ отвлеченіемъ нашихъ силъ и средствъ къ берегамъ Тихаго океана, въ значительной степени ослабло наше вліяніе (если не совсѣмъ исчезло) на рѣшеніе вопросовъ касающихся жизни народовъ, группирующихся на Балканскомъ полуостровѣ, но конечно до 1904 года этому никто бы не повѣрилъ. Мнѣ кажется, что С. Ю. Витте отлично оцѣнивалъ уже тогда обстановку и поэтому сознательно способствовалъ своею государственною дѣятельностью стать Россіи твердою ногою на берегахъ Тихаго океана. Конечно, я не буду настаивать на томъ, что стремленіе къ владычеству Россіи на Дальнемъ Востокѣ составляетъ исключительную идею одного С. Ю. Витте, но обращаю лишь вниманіе на то, что эта идея уже осуществлялась, вѣрнѣе, была на пути къ своему осуществленію, при чемъ двигателемъ сего былъ въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ передъ войной десяти лѣтъ главнымъ образомъ министр

финансовъ, а слѣдовательно онъ и являлся главнымъ властнымъ руководителемъ отправления такого сложнаго государственнаго организма, какъ наше отечество; къ этому привыкла не только вся Россія, но и Европа: полномочіе, власть, рѣшимость—словомъ авторитетъ С. Ю. Витте доминировали во всемъ бюрократическомъ режимѣ Россіи; онъ былъ главною пружиною этого механизма. И вдругъ въ одинъ прекрасный день его не стало! Преемника ему не было въ полномъ смыслѣ слова, ибо изъ всѣхъ лицъ стоявшихъ тогда у власти никто не пользовался и даже не имѣлъ никакого авторитета. Ясно, что въ ту же минуту всѣ бюрократы, какъ высшихъ, такъ и низшихъ ранговъ, остались безъ руководства. Они потеряли головы, не знали что предпринять, какъ вести судьбы не только всего государства, но даже какъ направлять его частныя жизненныя отправления. Вотъ почему понятно, съ уходомъ отъ власти С. Ю. Витте, вопросъ о войнѣ и мирѣ долженъ былъ подвергнуться массѣ случайностей.

Изъ сказаннаго можно пожалуй вывести заключеніе, что если С. Ю. Витте не былъ бы устраненъ отъ дѣлъ осенью 1903 года, то войны бы не было. Я далеку утверждать это, но могу указать на нѣкоторыя мѣры, которыми повидимому его политика хотѣла избѣжать вооруженнаго столкновенія. Первой и самой дѣйствительною было отозваніе русскихъ войскъ, принадлежавшихъ къ составу арміи, изъ Маньчжуріи. Весною 1902 года французскій полковникъ Маршанъ, бывший въ С.-Петербургѣ, въ день официальнаго объявленія о такомъ рѣшеніи Русскаго Правительства, сказалъ мнѣ: „это еще ничего не значитъ, ибо обѣщать вывести войска можно, но надо посмотрѣть будетъ ли это исполнено“. Однако они дѣйствительно выводились; да кромѣ того. при ничтожномъ ихъ количествѣ, имѣвшемся тогда на всей территоріи Дальняго Востока, это не могло имѣть существеннаго значенія въ смыслѣ борьбы съ Японіей, а для противодѣйствія набѣгамъ хунхузозъ на линію желѣзной дороги было достаточно охранной стражи. Министръ финансовъ совершенно правильно обособилъ эту категорію нашихъ вооруженныхъ силъ отъ арміи (а совсѣмъ не для удо-

влетворенія личнаго тщеславія имѣть, какъ говорили многіе его недоброжелатели, свое собственное войско). Увеличивая численность зеленыхъ замурцевъ, привлекая въ ихъ составъ за большое денежное вознагражденіе отборные элементы офицеровъ и нижнихъ чиновъ, можно было собрать въ Маньчжуріи грозную силу (я слышалъ отъ людей близко стоявшихъ тогда къ дѣлу, что охранная стража должна была быть доведена до 100.000 ч., что составляло цѣлую армию въ 4 корпуса), знакомую съ мѣстностью и народонаселеніемъ, привыкшую къ климату и условіямъ жизни на театрѣ военныхъ дѣйствій, проникнутую особенной энергіей, какъ колонизаторы края. Повѣрка числительности этой силы разбросанной на тысячи верстъ, была бы для нашихъ враговъ затруднительна, а существованіе ея съ дипломатической точки зрѣнія вполне законно; содержа даже весьма значительную силу подъ видомъ охранной стражи, мы удовлетворяли амбицію Китая и всѣ требованія нашихъ политическихъ враговъ. Я знаю фактъ, что расквартированіе по приказанію Намѣстника въ г. Мукденѣ—столицѣ Маньчжуріи—двухъ стрѣлковыхъ ротъ вызвало въ Пекинѣ огромное неудовольствіе, и китайскія власти объясняли это чисто принципиальной стороною дѣла, т. е. нарушеніемъ правъ Китая, а вовсе не тягостью постоя такой ничтожной горсти русскихъ солдатъ.

Второю мѣрою противъ войны я считаю проводимую политику открытыхъ дверей для торговли въ Маньчжуріи всѣхъ иностранцевъ. Третья мѣра состояла въ неодобреніи Безобразовской авантюры по лѣсной операціи на берегахъ р. Ялу.

Но, скажутъ мнѣ, война бы возникла все равно, не смотря ни на какія уступки со стороны Россіи, ибо Японія должна была воевать во что бы то ни стало: въ ея лицѣ проснулась желтая раса и, будучи представительницей культуры послѣдней, она ополчилась, чтобы доказать всѣмъ азіатамъ, всему міру, что она достойна стать во главѣ панмонголизма, будучи въ состояніи тягаться силами съ могущественнѣйшей державой бѣлой расы. Японія задыхалась на своихъ островахъ и должна была найти выходъ избытку своего на-

родонаселенія, а англичанамъ и американцамъ было слишкомъ выгодно предоставить ей всю Корею и тѣмъ предотвратить японскую колонизацію Австраліи, Америки и Филиппинъ. Японія была слишкомъ хорошо освѣдомлена о слабости Россіи на Дальнемъ Востокѣ въ частности и слабости ея вообще, вслѣдствіе несовершенства управленія страной, неудовлетворительнаго состоянія нашихъ арміи и флота; поэтому, объявляя войну, она шла на вѣрный, обеспеченный заранѣе, успѣхъ. Наконецъ Японія не могла ждать потому, что въ водахъ Тихаго океана плавалъ Русскій флотъ, уже достаточно грозный по числу своихъ вымпеловъ, а черезъ какой нибудь годъ — два подошли бы еще подкрѣпленія, которыя могли окончательно склонить перевѣсъ силъ на морѣ на сторону Россіи. Слѣдовательно, разъ только Россія влѣзла въ Маньчжурію, ввязалась въ эту авантюру, война съ Японіей становилась неизбежной, ибо Японія видѣла въ этомъ посягательство на права свои, на права всей желтой расы; она должна была взяться за оружіе возможно скорѣе и рѣшительнѣе, пока флотъ Россіи, какъ болѣе богатаго государства, не подавилъ бы своимъ водоизмѣщеніемъ и вооруженіемъ флотъ болѣе бѣдной державы, пока Артуръ и Владивостокъ не сдѣлались еще недоступными твердынями, а Пріамуріе не считало бы въ своихъ гарнизонахъ нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ штыковъ. Такимъ образомъ причиной столь тягостной для нашего отечества войны была эта Маньчжурская авантюра, а виновниками, отвѣтственными за нее, являются лица стоявшія у власти и допустившія Правительство сдѣлать такой безразсудный роковой шагъ. Вина ихъ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія въ сущности бѣдная страна, нуждающаяся въ средствахъ для благоустройства своихъ собственныхъ земель и потому конечно не имѣющая возможности выбрасывать милліоны народныхъ денегъ на колонизацію чуждыхъ намъ краевъ, обѣщающую въ будущемъ лишь одни расходы и вызывающую затрату сумашедшихъ денегъ на сухопутную и приморскую оборону вновь приобрѣтаемыхъ земель, на увеличеніе активныхъ силъ войска и флота на Дальнемъ

Востокъ *). А такъ какъ мы сказали, что болѣе десяти лѣтъ наибольшимъ значеніемъ въ государственной жизни Россіи пользовался С. Ю. Витте, то естественно, что ропоть общественнаго мнѣнія обращается и на него. Не знаю, что скажетъ исторія черезъ 10—20 лѣтъ, когда послѣдствія несчастной войны окончательно вырисуются, и можно будетъ вынести безпристрастный, справедливый и точный приговоръ, но во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что врядъ ли онъ будетъ карать самую идею стремленія Россіи на Дальній Востокъ, и я склоненъ даже думать, что наше выступленіе въ Маньчжурію будетъ признано не авантюрой, а большимъ счастьемъ, принесшимъ нашему отечеству, не смотря на проигранную войну, большія преимущества.

Императоръ Вильгельмъ, въ политической дальнозоркости и государственной мудрости котораго никто не сомнѣвается, первый предсказалъ, что желтая раса проснется и ополчится на бѣлую. Ясно, что это предсказаніе прежде всего касалось великой Россіи, ибо только она соприкасается на необъятномъ сухопутіи съ желтолицыми и упирается въ воды, кругомъ занятыя ими же. Естественно первый ударъ долженъ былъ направиться на нее, и уже тогда, когда прозвучали пророческія вдохновенныя слова, не трудно было угадать, что востокъ ополчится на западъ подъ гегемоніей Японіи. Къ тому же двѣ бѣлыхъ націи давно открыли въ Японіи надежнаго союзника противъ титана конкурировавшаго съ ними на берегахъ Тихаго океана и на всемъ материкѣ Азіи; для нихъ

*) Насколько наше общество вообще не было освѣдомлено о положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, указываетъ распространенное мнѣніе о В.-Китайской желѣзной дорогѣ, какъ о предпріятіи совершенно бездоходномъ въ его будущемъ и настоящемъ (конечно я говорю о жел. дорогѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была до войны). А между тѣмъ весьма осторожный расчетъ Управленія дороги показываетъ, что если въ первый годъ ближайшаго десятилѣтія эксплуатаціи дороги ожидался дефицитъ около семи милліоновъ рублей, то къ концу десятилѣтія дорога должна была давать чистаго дохода около девятнадцати милліоновъ рублей. Но, кромѣ коммерческихъ выгодъ, дорога давала намъ значительное политическое и стратегическое преобладаніе на Дальнемъ Востокѣ вообще и еще способствовала заселенію и обогащенію коренныхъ русскихъ земель, т. е. всей Приморской области.

нападеніе Японіи на Россію было въ высшей степени желательно, развязывая имъ надолго руки: оба врага, сцѣпившись на смертный бой, настолько обезсилили бы, что предоставили бы новымъ карфагенянамъ надолго обогатиться за ихъ счетъ и за ихъ оскудѣніе. Слѣдовательно вопросъ столкновенія Японіи съ Россіей становился только вопросомъ времени, и война началась бы если не въ 1903, то, скажемъ, въ 1910—1912-мъ году. Если бы не существовало русской авантюры, т. е. захвата нами Квантуна и колонизаціи Маньчжуріи, то что представляла бы изъ себя Россія на Дальнемъ Востокѣ ко дню неизбежнаго вооруженнаго столкновенія съ желтолицыми? Съ увѣренностью позволю себѣ сказать, что и въ 1910—12 годахъ мы не далеко ушли бы отъ того безпомощнаго положенія, въ которомъ оказались къ началу войны 1904 года; пожалуй мы были бы еще въ худшемъ, и вотъ почему.

Не извѣстно ли каждому изъ читателей, какъ управлялись далекія окраины Россіи высокопоставленными бюрократами подъ названіемъ генераль-губернаторовъ, военныхъ губернаторовъ, командующихъ войсками и наказныхъ атамановъ. Мѣнялись эти лица довольно часто. Каждый вновь назначенный долго собирался къ мѣсту служенія, но его продолжительные сборы вовсе не состояли въ подготовленіи для предстоящей дѣятельности, въ занятіяхъ по изученію ввѣреннаго, въ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомаго, края. Сборы эти заключались въ слѣдующемъ: 1. представленія высокопоставленнымъ лицамъ; 2. визиты выдающимся и ловкимъ дѣльцамъ, необходимымъ и даже опаснымъ по своей силѣ и вліянію въ высшихъ сферахъ; 3. заигрываніе съ представителями благонамѣренной полу официальной печати, что передъ войной стало особенно въ модѣ, ибо реклама о своей дѣятельности вообще выгодна: внутри Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ, когда еще узнаютъ о томъ, какъ принимались насажденія реформъ и всякихъ мѣропріятій новаго государственнаго дѣятеля (чаще всего изъ начальниковъ дивизій или корпусныхъ штабовъ) на территоріи ввѣренной ему тмутаракани, а, при содѣйствіи печати, въ звѣздоносной средѣ распространится слава объ

энергичномъ дѣятелѣ, носителѣ прогресса; выростетъ новый кандидатъ въ министры, а если и не удастся что либо въ этомъ родѣ, то всетаки, при хорошемъ служебномъ цензѣ, можно будетъ пристроиться и въ столицѣ; 4. выборъ нѣсколькихъ будущихъ сотрудниковъ по отраслямъ административной дѣятельности, хотя обыкновенно, за отсутствіемъ людей знающихъ, а въ особенности бывшихъ на данной окраинѣ, этотъ номеръ исключался совсѣмъ, или же приходилось брать просто по протекціи—знакомству; къ тому же вѣдь на мѣстѣ тоже жили не одни волки, медвѣди и тигры, а были и люди, конечно изъ чиновниковъ, въ изобиліи наполнявшихъ административные центры окраинъ; 5. составленіе личной блестящей свиты, т. е. приглашеніе адъютантовъ и лицъ для порученій; впрочемъ приглашать и розыскивать не приходилось: среди военной молодежи было всегда сколько угодно желающихъ пристроиться къ генераль-губернаторству; прежде всего юные поручики прельщались полученіемъ куша въ нѣсколько тысячъ рублей прогонныхъ и подъемныхъ денегъ, такъ какъ среди даже гвардейскихъ офицеровъ, за исключеніемъ 3-хъ—4-хъ полковъ, молодежь почти не имѣетъ собственныхъ средствъ, кромѣ развѣ женившихся на богатыхъ приданыхъ; многіе получали возможность расплатиться съ долгами или просто удрать отъ кредиторовъ (взыскивай тамъ за тридевять земель); попадались и совсѣмъ родовитые аристократы: кого ссылалъ папаша за чрезмѣрное пьянство и скандальное поведеніе, кого удаляла мамаша во избѣжаніе мезальянса, кого просили удалиться изъ полка; во всякомъ случаѣ ручаюсь за то, что не поѣхалъ ни одинъ офицеръ изъ интереса службы на окраинѣ; 6. затѣмъ шло устройство личныхъ семейныхъ дѣлъ, прощанія, приѣмъ напутствій и проводовъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сбора, администраторъ уѣзжалъ въ отдѣльномъ вагонѣ, а чаще въ отдѣльномъ поѣздѣ, и, принявъ по дорогѣ нѣсколько овацій, прибывалъ во ввѣренную ему тмугаракань, гдѣ конечно уже не заставалъ своего предмѣстника, который былъ счастливъ оставить подалеже за собою дикую страну, и, покидая ее, съ облегченіемъ отрясалъ ея прахъ отъ ногъ своихъ. Какое ему было